

Роберт СТУРУА:

«УДАЧА СОПУТСТВОВАЛА НАМ...»

Как уже сообщалось, коллектив Грузинского академического театра имени Ш. Руставели совершил из восточной поездки по городам Италии в Швейцарии со спектаклем «Кавказский меловой круг» Брехта и «Ричард III» Шекспира. Триумфальные выступления грузинских артистов в Риме и Милане, Флоренции, других городах Италии, Жене и в Цюрихе вызвали восторженную реакцию публики, получили высокую оценку прессы. Наш корреспондент попросил директора в гастрольную режиссера театра Роберта Стурю поделиться своими впечатлениями от зарубежных гастролей.

— Прежде всего, Роберт Робертович, разрешите от имени наших читателей сердечно поздравить Вас и коллектив Вашего театра с успешными гастролями. Мы внимательно следили за Вашей поездкой, и, на самом деле, волновались вместе с вами...

— Благодарю. Должен отметить, что эту духовную поддержку мы поминутно ощущали во время гастролей. Она была в телефонных звонках, телеграммах... Но в то же время чувствовали высокую ответственность, ведь мы представляли нашу страну, наш народ, наше советское искусство... Мы волновались еще и потому, что хотели выступить с наибольшим успехом и тем самым сделать своеобразный подарок юбилею Советской Грузии. И после первого же спектакля во Флоренции мы с радостью осознавали, что наше желание вполне выполнимо. Теперь мы смело можем сказать — гастроль прошла безукоризненно. В целом — так. Были, конечно, и частности...

— О них и хотелось бы услышать. Не прежде, чем, что послушаем телеком и начало ваших гастролей!

— Это было еще до Англии. В Дюссельдорфе, где я то время и ставил спектакль, меня посетил импресарио итальянской фирмы «О. Р. И. А.» Эмми Мореско. Она изъявила желание пригласить наш театр на длительные гастроли в Италию и Швейцарию.

Позже она побывала в Тбилиси в. познакомилась с репертуаром театра, выбрала «Кавказский меловой круг». Почти мгновенно Брехт! Эмми Мореско объяснила свой выбор тем, что итальянцы любят только театральные, зрелищные и красочные спектакли. На этом и договорились. Но после успешных гастрелей нашего театра в Лондоне фирма решила добавить к Брехту еще и Шекспира — «Ричард III», хотя сама этот шаг весьма осторожно, боясь, прежде всего за кассовый успех, да и за свою репутацию.

Сомнения импресарио отразились и на рекламе «Ричарда III», которая, как мне показалось, была недостаточной. Теперь видно, что сомнения эти были преждевременными...

— Для истинных любителей театрального искусства реклама, думается, не имеет решающего значения...

— Согласен. Скажу больше, зачастую она вызывает обратную реакцию. Особенно на Западе, где привыкли сталкиваться с рекламой «шумихой» — по поводу и без всякого повода. Но, например, в Лондоне к мнению театральных критиков прислушиваются, и достаточно было первого положительного отзыва в прессе на наш спектакль, как ажиотаж последовал за ажиотажом. И все же, как мне кажется, здесь главную роль сыграла не столько пресса, сколько высокая оценка корифея театрального искусства, побывавшего на грузинских постановках. В Италии в первые дни нам пришлось столкнуться с некоторым

скептицизмом общественности. Мы настроились, актеры даже стали волноваться. Но каждый из нас понимал, что имя завоевывается в борьбе. В Италию, как, впрочем, и в Швейцарию, мы попали заранее, и надеяться на широкое внимание искушенного зрителя не приходилось. Вначале надо было себя доказать. И мы работали. Работали с полной отдачей, не жалея сил. И победили. Это было понятно по восторженной реакции публики, понятно по многочисленным рецензиям (за полтора месяца гастролей их было около пятидесяти) на наши спектакли ведущих зарубежных театральных критиков. В них не было ни одного замечания по поводу нашей интерпретации сценических произведений всемирно известных драматургов, игры актеров, постановки...

— Гастроли — не только праздник, но колоссальный труд...

— Изнурительный, напряженный, подчас доводящий до отчаяния. Просто сыграть спектакль на незнакомых театральных подмостках, перед незнакомой аудиторией, которая едва-едва ко всему не понимает языка. Еще сложнее спектакль подготовить. Во всех театрах, где нам пришлось выступать, сцены были небольшие, без круга, оборудованы далеко не лучшей техникой, хотя внешний вид зримо Мальдонадо был прекрасен.

Приходилось менять декорации, менять свет, а значит и мизансцены. Приходилось часто на сцене начинать, ретелировать. Разумеется, исполнителем главных ролей в обоих постановках, за сценой уже пришлось отыграть тридцать пять спектаклей, но их сохранили и влюбленность, в свойственной ему чувство юмора... На разных работах все, на разных работах. И только теперь, когда вернулся домой, только теперь мы поняли, как устали...

— Два слова о так называемом «языковом барьере».

— Не риску сказать, что его не было. Он, конечно, был, но лишь — отчасти. Синхронный перевод, который, частично не успевая за действием, конечно же, многое из происходящего на сцене прояснял, однако, по мнению зрителей, больше мешал, отталкивал, рассеивал внимание.

В некоторых городах нас просили играть без перевода, мотивируя свою просьбу тем, что наши спектакли и без того ясны по форме и выразительности, в грузинском языке доминировали и эмоционально. Мы соглашались и играли без перевода. И выигрывали. Полно, один итальянец, видный режиссер, а шутку сказал мне, что на итальянском языке можно только играть, на грузинском же можно еще и хорошо играть...

— Что запомнилось еще!

— Италия, ее архитектура, живопись... В Женеве большое впечатление произвел первый спектакль, который мы дали с благотворительной целью. Ранее, еще в Италии, нас предупредили, что в Швейцарии люди

более сдержанны, чем надеяться на овации не следует. Поэтому мы готовились и худшему. И что же! После окончания спектакля зритель из самых привилегированных и светских кругов, казалось, повидевший на своем веку достаточно прелесть, не отпустил нас целых пятнадцать минут. Сбор превзошел все ожидания: 162 тысячи франков.

Запомнились встречи. Об одной из них скажу подробно. В Цюрихе мы познакомились с тремя женщинами, с совершенством знающими грузинский язык. Они передали такую освободительную и знающую Грузии, так тепло говорили о ней, что возводили нас до небесных вышин. Показали нам «Грузинско-немецкий словарь» и «Грамматику грузинского языка», собственноручно изданные и отпечатанные. Я не специалист, но, видимо, это были уникальные в своем роде книги — как по содержанию, так и по внешнему виду. Первый труд сразу сорвал, но они восстановили его из памяти. Когда же я стал любоваться на эти книги, я в эти женщины!

— Чем Вы сами объясняете успех зарубежных гастрей руставели?

— Как мне кажется, за последние годы в театральной жизни Западной Европы наметились две главные тенденции: натуралистический театр, то есть никакие поиски новых форм, никакие попытки абстрагироваться от действительности, и авангардистский театр — оторванность от жизни, символика с тщательно зашифрованной режиссерской мыслью, превращенные формы. Наш театр, думаю, смог преодолеть эти два полюса. Мы старались сохранить в спектакле и яркую форму, и точный адрес. Мне кажется, что наши постановки демократичны по своей сути. Но они вместе с тем и глубоко национальны, самобытны. Грузия, как отмечалось в рецензиях на наши спектакли, в последние годы переживает культурный расцвет. Драматургия, музыка, живопись, кино, культура общения в республике сегодня выходят на более высокий качественный уровень. Все это, безусловно, результат огромного внимания и заботы нашей партии о творческой интеллигенции. Все это и есть основа наших триумфальных гастрей.

— Вперед Аннион!

— Вперед ответственный экзамен. На Аннионский фестиваль — один из самых авторитетных в Западной Европе, мы поедем с тем же репертуаром. Основная площадка фестиваля расположена во дворе Папского дворца под открытым небом. Он проводится с 1947 года. Отбор театральных коллективов — очень жесткий. В этом году, как известно, исполняется десять лет со дня смерти Жана Вилара. На сцене, где нам предстоит играть, он открыл первый Аннионский фестиваль своим «Ричардом III», одним из выдающихся исполнителей которого был Жарар Филипп. Глубоко символично, что в годовщину смерти Жана Вилара мы выступим со своим «Ричардом III». Это большая честь. К тому же наш театр будет первым из зарубежных для Франции театров, который поднимется на подмостки сцены Папского дворца... Хочется надеяться на успех...

Интервью взял Н. КВИЖИНАДЗЕ.